

прадметы, якія маюць міжнародную значнасць і могуць у поўнай меры лічыцца нацыянальнымі рэліквіямі. Пры гэтым, варта звярнуць увагу на тое, што колькасць матэрыяльных рухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей можа быць істотна пашырана за кошт іншых прадметаў музейнага фонду з калекцый музеяў вобласці.

Акрамя таго, на тэрыторыі Віцебскай вобласці на дадзены момант налічваецца 25 нематэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей. За кошт актыўнай дзейнасці ўстаноў клубнай сістэмы вобласці вядзецца планамерная работа па выяўленні, фіксацыі і папулярызацыі новых нематэрыяльных каштоўнасцей, колькасць якіх узрастае кожны год. Пры гэтым асаблівы акцэнт робіцца на захаванне ўжо існуючых традыцый, звычаяў, абрадаў, тэхналогій і г.д., бо ва ўмовах глабалізацыі і урбанізацыі колькасць іх патэнцыйных носьбітаў скарачаецца.

Такім чынам, Віцебшчына на сённяшні дзень валодае надзвычай багатай і разнастайнай гісторыка-культурнай спадчынай, якая мае ўсе падставы для пашырэння за кошт іншых культурных каштоўнасцей. Разам з тым, у захаванні асобных відаў аб'ектаў спадчына маюцца свае адметнасці і праблемныя пытанні, якія патрабуюць вырашэння як на агульнадзяржаўным узроўні (як, напрыклад, з воінскімі пахаваннямі), так і на месцах.

1. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. – URL: <http://gospisok.gov.by> (дата звароту: 15.09.2025)

2. Юрчак, Д. В. Асаблівасці дзяржаўнага ўліку помнікаў археалогіі ў Бешанковіцкім і Шумілінскім раёнах Віцебскай вобласці / Д. В. Юрчак // Віцебскі край : матэрыялы VI Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай 75-годдзю Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне, 19 лістапада 2020 г., Віцебск / ДУ «Віцебская абласная бібліятэка імя У.Леніна», кафедра гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава ; рэдкал.: Т. М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2021. – Т. 6. – С. 245–250.

3. Юрчак, Д. В. Воінскія пахаванні як культурная каштоўнасць: да пытання неабходнасці іх дваінога ўліку / Д. В. Юрчак // Беларуская думка. – 2021. – № 1. – С. 83–89.

4. Юрчак, Д. В. Памятники и воинские захоронения: объекты историко-культурного наследия или мемориальные объекты? / Д. В. Юрчак // Победа – одна на всех : материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 24 апреля 2014 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А. И. Жук и А. А. Коваленя (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2014. – С. 295–298.

Желамский А.Г., Желамская М.А. ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОРУБЕЖЬЯ

Ключевые слова: порубежье, легенды, Нещердо, Невельский идол, Отечественная война 1812 года, Я.П. Кульнев, Ян Барцевский, Почановская гора.

Легенды Нещерды. Порубежье России и Беларуси – край лесов и озёр, исчезающих в лесных чащах каменных дорог (камениц) и сцяжинок. Кажется, что нигде больше не бывает такого мерцания и свечения на поверхности вод, кроме этих местностей с их глухими и глубокими болотами, над которыми поднимаются холмы и леса.

Здесь, на русско-белорусском порубежье, чтят до сих пор праздник Купалы, день летнего солнцестояния, солнцеворота. Он отмечается 24 июня по старому стилю (в ночь с 6 на 7 июля по-новому), когда летнее солнце, достигнув полного проявления своих творческих сил, поворачивает на зиму

Исследователь поэтических воззрений славян на природу А.Н.Афанасьев писал: «по древне-поэтическим представлениям бог-громовник кипятит в грозовом пламени дождевую воду, купает в её ливнях небо и землю и тем самым дарует ей силу плодородия» [1, с. 41]. Купало – бог душевного и телесного очищения – в христианстве уступает место Иоанну Крестителю.

Народная память полна чудодейственных представлений о купальском празднике – об особой целительной силе трав и цветов, собранных в пору солнцеворота, об играющем на воде солнце, о переходящих с места на место деревьях, разговаривающих между собой шумом своих ветвей.

Ночь на Купалу отмечена и проказами различной нежити – домовых, водяных, леших, русалок. На лысых горах собираются чаровницы и устраивают там бесстыдные игрища. Потопленные на дне озёр колокола оглашают окрестности. Все эти легенды заряжены ощущением восходящих интонаций в ритмах природы.

В сентябре 1978 года в деревне Амосенки, недалеко от озера Нещердо (Россонский район Витебской области), довелось говорить с пожилой женщиной, которую по-деревенски звали «Кондратьевна». Помню её палисадник с бобами, маком и пожелтевшими огурцами, которые «не растут» («сердца остыли у людей к Богу, и земля остыла. Раньше каждая травинка клонилась к человеку, всё росло, теперь не растёт»). Бледное, правильных очертаний лицо в морщинах, высокий лоб, голубые заплаканные глаза. Говорит на одной ноте.

Рассказывала Кондратьевна, что раньше в этих краях было много колдунов, что где-то здесь откопали из могилы девушку, которая была «вся в золоте» («положили обратно»), о том, как одному парню, проходившему мимо какой-то местной горы, увиделся бык с золотыми рогами, о каком-то ночном всаднике на белом коне... О том, как одному парню в соседней деревне (к северу) приснилось, что ему кто-то дал коробку спичек и сказал, что если он дойдёт с этой коробкой до городища – то увидит там прекрасную девушку... Парень побоялся идти.

Невельский идол. Свидетелем языческих времён нашего края является Невельский идол, известие о котором помещено в книге «Живописная Россия» (непревзойдённое географическое описание России конца XIX века): «В июле 1874 года в Невельском уезде, не знаем, где именно, при посадке дерева найден был идол с двумя головами вышиною 9 дюймов (дюйм = 2,54 см – *авт.*). В археологическом музее Ягеллонского университета в Кракове хранится фотографический снимок этого идола. О дальнейшей его судьбе нам неизвестно. Знаем только, что он в 1874 году находился у исправника г. Бурмейстера в Городке. Вероятно, он уже давно в одном из публичных музеев. Двуглавый идол должен бы обратить на себя особенное внимание. Представляем здесь верное изображение этого замечательного идола с обеих сторон» [5, с. 244]. У Невельского идола не две головы, а два лика (лица) – на одной стороне – предположительно мужской, на другой – женский.

Над хуткапыннай Дриссой. Если ехать из Полоцка в Себеж, перед мостом через Дриссу слева у дороги на поляне желтого песка стоит лабрадоритовый обелиск с портретом героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора Я.П. Кульнева...

А через 300 метров лесная сляжина выведет на берег Дриссы к памятнику, поставленному в 1830 году по указанию Николая I на месте гибели героя. На памятнике укрепленна плита со словами В. Жуковского (из поэмы «Певец во стане русских воинов»): «Где Кульнев наш, рушитель сил, Свирепый пламень брани? Он пал, главу на щит склонив И стиснув меч во длани! Где жизнь судьба ему дала, Там брань его сразила, Где колыбель его была Там днесь его могила». Местом рождения Я.П. Кульнева считается город Люцин Режицкого уезда Витебской губернии – там была усадьба его родителей. Сохранилось предание о том, что на самом деле он родился в пути, по дороге из Полоцка в Люцин вблизи того места, где и погиб, что и отметил Жуковский («Где жизнь судьба ему дала, Там брань его сразила»).

С именем Кульнева и его Гродненских гусар связаны первые победы в Отечественной войне: «3-го числа построил я на Двине мост, тогда как неприятель менее всего ожидал меня на его стороне: напал со вверенным мне Гродненским гусарским полком на два французские конные полка ... и истребил почти до остатка... Генерала Сен-Женье взял в полон, также несколько офицеров и 200 раненых чинов. После сей победы переправился я опять на сию сторону, истребив мост при Друе... Вот тебе описание нынешнего моего положения: впрочем, благодаря Бога, я здоров и поживаю по обыкновенному, то есть по Дон-Кишотски».

Слава Кульнева прогремела по России в 1812 году после победного Клястицкого сражения, в котором русские войска под командованием графа Витгенштейна разбили и остановили превосходящую по численности французскую армию Удино и Сен-Сира, которая шла от Полоцка на Петербург. В этом сражении Я.П. Кульнев командовал Гродненским гусарским полком. Пылкий Кульнев увлёкся преследованием французов. С верными своими гусарами, он гнал их до местечка Сивошино, что в двадцати верстах от Клястиц. В этом так называемом Сивошинском дефиле (полуострове между устьем Нищи и рекой Дрисса) его отряд попал под огонь французской артиллерии. Здесь на 49-м году жизни оборвалась жизнь Я.П.Кульнева, смертельно раненого ядром, перебившем обе ноги. На этом месте, на высоком песчаном берегу хуткапыльной (быстротрующей) Дриссы и было погребено тело Я.П. Кульнева. По воспоминаниям, в последнем обращении к гусарам он произнёс: «Друзья, не уступайте ни шага родной земли... Победа вас ожидает!» [4, с. 24–25].

Когда весть о гибели Кульнева докатилась до Москвы, в Большом театре было остановлено представление. На сцену вышла известная актриса Сандунова и, сдерживая волнение, обратилась к залу: «Слава, слава генералу Кульневу, положившему живот свой за отечество!».

Следуя Суворовскому правилу – «Тяжело в ученье – легко в бою», Кульнев изматывал солдат тренировками, но одновременно настолько заботливо и уважительно к ним относился, что они прозвали его Дон-Кихотом. Также и он себя всегда называл, только к своему прозвищу добавлял слово «Люцинский» (Люцинский Дон-Кихот), даже будучи генералом.

Из писем к брату: «Мы, полагая всегда упование свое на Всевышнего Творца и грудь нашу, будем стоять, как крепкие каменные стены за возлюбленное наше отечество». «Я не сплю и не отдыхаю, чтобы армия спала и отдыхала». «Лучший способ к сохранению живота есть храбрость, сопровождаемая присутствием духа».

Происходили ожесточённые схватки: «Между тем скажу тебе, (из писем к брату) что я повозку мою и по сие время не отыщу: остался в одном мундире, да и пить и есть нечего. Привези, брат, водочки и кусок хлеба подкрепить желудок мой, ибо с самого начала сей войны я еще не спал и порядочно не ел» [3, с. 381–382].

Автор много раз бывал в этих местах и каждый раз из оглушающей тишины лесов и полей этого края, словно наяву, слышался и сабельный звон, и топот копыт, и шум пролетающих ядер...

Памятник стоит, но тела Я.П. Кульнева здесь нет, в 1816 году оно было «перевезено в деревню его шурина, а затем схоронено окончательно», как пишет К. Случевский, «в церкви села Инзельберг, принадлежащего его брату». Илзескалнс, Храм Скорбящей матери. Закончен строительством 6 ноября по новому стилю. Смотритель Иванов Степан Тимофеевич.

«Под сводами храма сего покоится прах незабвенного героя Отечественной войны 1812 года Генерал-Майора Якова Петровича Кульнева, со славою павшего в бою при Клястицах 20 июля 1812 г. По повелению императора Николая I в 1830 г. поставлен в Сивошино под Клястицами памятник генералу Кульневу на месте его геройской кончины, а в 1832 году прах его перенесен отсюда в место настоящего упокоения». Лет семь тому назад знакомые из Риги сказали, что храм этот сгорел. Так ли это – неизвестно.

Европа, насмотревшись на русских гусар в 1813–1814 годах, решила создать такие войска у себя. Подобрали подходящих мужчин, резвых коней, пошили форму, но при первом смотре заметили, что чего-то не хватает. Задумались и пришли к выводу, что не хватает русского, гусарского духа. Неудачу объясняли «отсутствием у своих кавалеристов «особого состояния души», присущего лучшим представителям восточного славянства.

Почановская гора. Прошли десятки лет с того часа, когда в библиотеке Салтыкова-Щедрина в Ленинграде встретились «Очерки северной Белоруссии» Яна Барщевского [6, с.159–162].

Они произвели неизгладимое впечатление. Тогда же захотелось обязательно подняться на упоминаемую в них Почановскую гору, но осуществить эту мечту удалось только 4 июля 2019 года.

Детство и юношеские годы Я. Барщевского прошли на хуторе (фольварке) Мураги на северо-восточном берегу большого и таинственного озера Нещердо (раньше считалось, что он и родился в Мурагах, но краеведы разыскивали сведения о том, что родина Я. Барщевского – погост Неведро на берегу одноимённого озера на границе Себежского и Пустошкинского районов Псковской области).

Учился в Полоцкой иезуитской академии. В молодые годы много странствовал по северным уездам Витебской губернии (нынешним Себежскому, Невельскому, Пустошкинскому районам Псковской области). После окончания учёбы жил в Петербурге, редактировал журнал польских студентов «Альманах Незабудки».

Основной темой творчества Я. Барщевского стали природа, образы и легенды северной Беларуси, русско-белорусского порубежья.

В отличие от своего современника А. Мицкевича, не проявлявшего больших симпатий к России («По диким пространствам, по снежной равнине Летит мой возок, точно ветер в пустыне» писал он в стихотворении «Дорога в Россию»), Я. Барщевский с особенной теплотой вспоминает запомнившиеся ему с детства и юности образы его малой родины.

«...Когда волею Божью забросило меня в отдалённые места, как часто одинокие мысли мои от берегов Невы летают в те страны, где протекли цветущие лета моей жизни, где столько милых воспоминаний рисуется в моём воображении!

...здесь я блуждал в приятных мечтаниях, любил читать книгу природы... На земле, покрытой множеством трав и растений, читал я живые письма о милосердии и промысле Создателя. Эта книга природы, простая и вразумительная, учила меня истинной поэзии, истинным чувствам, а рассказы стариков были лучшей историей родной моей земли».

Много слов посвящает Я. Барщевский природе и легендам любимой им Нещерды, землям Невельского уезда – той их части, которая входит ныне Пустошкинский район: «Вспоминаю недалёкие от Невеля окрестности Рабшицны, где, словно ярусы исполинских зданий, возвышаются высокие горы, то покрытые вековыми тенями лесов, то блистающие на солнце золотистым песком своих обнажённых вершин. Сколько там разнообразия в видах, сколько восхитительных картин!

Кто посещал эти места, тот верно всходил на вершину Почановской горы (у подножия которой «бьют серные ключи» [2, с.199]), и осматривал дикие её окрестности: там и сям повсюду воды, как чистое зеркало, отражают солнечные лучи, а над берегами их дремлют густые леса; кой-где по склонам гор чернеются убогие хаты поселян... .

Там человек забывает о свете. Там не гремят суждения о спорах Французской палаты и речах Английского парламента, не слышно там о войне в Алжире и на Кавказе, там не рассуждают о железных дорогах в Итальянской опере; а только голос пастуха, охотничий выстрел в лесу, или ветер, переносимый по верхушкам бора, огласят на минуту тихую окрестность ...».

Дорога в Лашково прошла среди больших, восходящих к небу полей с густыми некошеными травами. Вскоре на горизонте проступили высокие, укрытые лесами вершины, одна из которых была похожа на опускающийся гигантский купол парашюта. Конечно, это и есть та самая Почановская гора – высота с отметкой 252 метра, указанная в путеводителе по Пустошкинскому району.

Оставив деревню, мы проехали по полевой колее чуть дальше «нашей» горы, чтобы окинуть её взглядом со всех сторон. Неожиданно перед нами открылось бескрайнее поле с багряными зарослями иван-чая. Полюбовавшись на этот по-настоящему «красный уголок» природы, вернулись назад и остановились у того места, с которого решили «штурмовать» эту вершину.

Почановская гора, разогретая жарким июльским солнцем, переливалась всеми оттенками зеленого цвета – словно призывала к себе, но приятное впечатление сразу же омрачилось – у её подножия заметилась выровненная площадка, упирающаяся в «стенку» нового зарождающегося карьера «песчано-гравийных смесей», как говорят дорожники и строители (какими очевидно сложена вся эта мощная и красивая гора).

Покорили мы Почановскую гору без особого труда (её высота где-то около сорока метров). Вся она была пропитана светом, струившимся через лиственный – березовый и осиновый – лес.

Я. Барщевский пишет: «Путешественник, въезжающий в пределы Белоруссии с севера, увидит перед собою большие селения, обширные засеянные поля, сосновые и березовые рощицы. Нередко услышит он раздающуюся из глубины необозримых полей протяжную и громкую песню поселянина, либо оглашающую горы и долины мелодию пастушеского рожка.

В дни воскресные, в то время, когда солнце сближается к закату, встретит сельских девушек, одетых в праздничные миткалевые сарафаны и сопровождаемые весёлой молодёжью – при звуках народных песен они составляют хороводы. При приближении к границам Себежа и Невеля увидит пространные тёмные боры, наподобие туч нависающих на горизонте».

В очерках Я. Барщевского неоднократно встречаются слова об убогих селениях с соломенными кровлями, о мрачной тишине, в которой редко послышится песня жнеца или пахаря, о «песнях этого народа как в мыслях, так и в голосе заключающих что-то заунывное». Даже свадебные песни «проникнуты печальным чувством, словно не доверяют возможности счастья в этой юдоли плача». И всё же, несмотря на «убогие хаты и меланхолический дух», Я. Барщевский отмечает способность этих людей к созданию «чудных образов».

И подтверждает это описанием традиционных для того времени обычаев и обрядов – как на Купалу «замужние женщины и молодые обою пола около смоляных пылающих деревьев ожидают, когда солнце заиграет на небе», о поисках кладов в эту ночь, о цветке папоротника, о происхождении названия цветка «Кукушкины слёзы», о разрыв-траве, которая якобы разрывает замки и сокрушает кандалы узников, о перелет-траве, которая имеет силу переноситься с места на место и в полете своем блестит, как звездочка («счастлив, кто сорвёт её – все его желания будут тотчас исполняться»), о русалках, которые в пору созревания хлебов качаются на берегах с распущенными волосами и поют песни...

От очерков Я. Барщевского неизбежно возвращаешься в сегодняшний день, который уже не производит никаких «чудных образов», а лишь «нагружает» информацией и всевозможными прагматическими рассуждениями о пользе и выгоде.

«Люди, мечтая о счастье на земле, рисуют его в различных видах. Греки и Римляне, – пишет Я. Барщевский, – поклонялись слепой фортуне, которая то возносит людей под облака, то снова погружает в пропасть. Народ белорусский вообразил себе какую-то летающую травку, гоняясь за которой не один сбился с дороги и не вернулся в родную хату. И я, ища счастья далеко, оставил ту родную страну, где протекли приятнейшие дни моей жизни, и теперь, в северной столице, поглядывая на сцену большого света, читаю книгу, которая иногда смешит, иногда вызывает слезу, – это книга сердец и людских характеров».

Почановская гора и другие зелёно-купольные вершины в её окрестностях расположены в 20-ти километрах от Пустошки. Здесь, в полутора километрах от автострасы Москва-Рига ещё существуют настоящие шедевры нашей природы. Не хочется соглашаться с тем, что в ближайшие годы они будут срезаны и вывезены, как песок, который пойдёт на улучшение дороги из пункта А в пункт Б, из Европы в Москву и обратно – мимо просёлков, некошенных трав и «неперспективных» деревень... Что ж – современная цивилизация живёт ожиданием «золотого века» («комфортной жизни») в каком-то «новом прекрасном мире».

Сопоставляя слова Я. Барщевского, сказанные 170 лет назад, с увиденным сегодня, подумалось – может быть «золотой век» у нас уже был – в далёком прошлом, во времена «чудных образов»?

1. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Современный писатель, 1995. – Т. 1. – 257 с.

2. Географическо-статистический словарь Российской империи: сост. по поручению Рус. геогр. о-ва д. чл. О-ва П. Семенов, при содействии д. чл. В. Зверинского, Н. Филиппова и Р. Маака – в 5 т./ СПб. : изданием чл.-соревнователя А. Н. Турубасова, 1863–1885. – Т. 4, Семенов-Тянь-Шанский П.П. сост. по поручению Рус. геогр. о-ва д. чл. О-ва. – 1873. – 867 с.

3. Герои 1812 года : сб. сер. ЖЗЛ, вып. 11 / сост. В. Левченко. М. : Молодая Гвардия, 1987. – 608 с.

4. Елец, Ю. Л. Герой Отечественной войны Кульнев / Ю. Л. Елец. – М. : Изд-во И. Д. Сытина ; СПб. : Сельский вестник, 1912. – 40 с.

5. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении, в 19 т. / под общ. ред. П. П. Семенова, вице-председателя императорского Русского географического общества. – СПб. : Тип. М. О. Вольфа, 1881–1901. – Т. 3, ч. 2. – 1882, 528 с.

6. Иллюстрация : еженедельное издание всего полезного и изящного / ред.-издатель: А. Башуцкий. Т. 2 № 1–4, 6–23. 1846, январь-июнь. – СПб. : Тип. И. Фишона : Книжный магазин И. Крашенинников и К., 1845–1849, 1846 – 380 с. / Т. 2 №10. 16 марта 1846. – С. 159–162.

Жижиян С.Ф. **МУЗЕЙНАЯ АТРИБУЦИЯ КУЛЬТОВЫХ** **И ИСТОРИЧЕСКИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ**

Ключевые слова: музейное дело, атрибуция, культовые камни, каменные кресты, археология, этнография

Как известно, музейная атрибуция – это комплексное научно-исследовательское определение названия, назначения, авторства, времени и места создания, материала, конструкции, размеров, техники изготовления и других характеристик музейного предмета. Правильная работа в этом направлении – одна из главных задач музейного работника.

Тем не менее, для музееведов и сотрудников музеев не секрет, что правила и приёмы музейной атрибуции формировались параллельно с развитием музейного дела, и зачастую мы сталкиваемся с ситуациями, когда музейный предмет, необходимый нам для исследования, не имеет чёткой атрибуции в фондовых документах.

В данной статье, исходя из опыта изучения культовых и исторических каменных изваяний, хранящихся в музеях страны, мы попытаемся обозначить наиболее важные аспекты музейной атрибуции круга данных артефактов, необходимые для должного научного описания.

К культовым и историческим каменным изваяниям мы относим комплекс памятников, которые имеют некие общие особенности, в первую очередь сакральные. Несмотря на различную функциональность, все подобные объекты характеризуются общими признаками – присутствием поклонений, обожествлений, мемориализации либо иных религиозных ритуалов. К культовым и историческим каменным изваяниям так же относят надмогильные памятники различных типов.

Ниже на конкретных примерах мы поговорим о ныне существующей ситуации с музейной атрибуцией культовых камней.